

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

АРХИВ ХРАНИМ
НЕЖНЕЙШИЕ СЛОВА

Творчество Касьяна Ярославича Голейзовского — целая эпоха в истории советского балета. Продолжатель традиций своих учителей — выдающихся хореографов Александра Горского и Михаила Фокина, он стоял у истоков советского балета, прошел сложный и интересный путь исканий. Творчество его насыщено и разнообразно. В золотой фонд советского балета вошли его спектакли, миниатюры, пластические композиции. Касьян Ярославич был художником необычайной одаренности, музыкальности, блистательно владевший литературным пером.

Самые нежные чувства любви, признательности, огромного уважения отданы были им искусству балетных артистов.

К девяностолетию со дня рождения балетмейстера издательство Всероссийского театрального общества подготовило сборник, основой которого стал обширный архив Голейзовского. Публикуемые из сборника «Поэтические монографии» фрагменты написаны в пятидесятые годы и посвящены балеринам Большого театра.

...Когда я смотрю на танцующую Галину Уланову, перед моими глазами возникают серебряные тона драгоценных аррастных гобеленов или воздушные арабески Салле, Тальони, Гризи, Гран, Павловой.

Какие бы драматические образы ни воплощала эта прекрасная балерина, неповторимая женственность линий ее как будто прозрачного, невесомого тела, ее лирическая медлительность, меланхолическая простота следуют за ней неотступно. Но лирика и женственность Улановой не однообразят ее ролей. Одетта «Лебединого озера» не перекликается с Жизелью. Та и другая различны.

У Улановой ярко двойственный сценический облик, житейским воплощением которого могли бы быть одновременно гирландайевская «Склоненная Торнауни» и «Склоненная над младенцем легкая и светлая, как фосфоресцирующее облачко, мадонна итальянца Филиппо Липпи.

Искусство Улановой родилось вместе с ней. Хореография этой балерины в ней самой. Кто видел ее в классе у станка, заметил бы, что она работает без напряжения, как будто даже без охоты. Создается впечатление, будто она не выполняет задания педагога, а импровизирует. Молодежь хореографических школ, созерцающая Уланову на сцене, с благоговением и трепетом произносит ее имя и не может сдержать почти суеверного восторга — можно ли поверить, что это видение существует на самом деле, что оно осязаемо?

Ольга Лепешинская... Искусство этой артистки напоминает жемчужину, хранящую в себе все цвета. Она сияет, зажигает и отражает такую же изменчивую и многоликую, как это совершенное творение, природу. То она — радость, то — загадка, то — улыбка. Когда зритель созерцает ее на сцене в образе балерины, все меняется вокруг. Сценическая коробка и занавес превращаются в раковину, из которой в зрительный зал брызжут лучи яркого живого света. Трудно уловить моменты ее передвижения. Блеснула перед глазами и через мгновение исчезла. Движения ее, как искры кристалликов горного хрусталя, падающие в протянутые руки земли. Но глаза у нее иные. Они большие и печальные, как два глубоких молчаливых озера. Они то фиолетовые, то голубые, как цейлонский сапфир, а люди говорят, что они серые... Радость проникает в них только, когда руки ее, ноги и сердце охвачены танцем.

С романтическим образом Майи Плисецкой связано вдохновение многих мастеров балета. Но яркое искусство этой балерины разнолико. Одновременно с пылающей короной закатного солнца и мерцанием вечерней звезды. Порывы степного ветра и безмолвие пустынных просторов. В этой артистке удивительно сочетаются контрасты. Наиболее выразительным сценическим образом Плисецкой следует считать Одетту — Одиллию «Лебединого озера». Контрастность ее дарования стихийна. То мы видим ее обессилившей от страсти вакханкой, то нежной Психеей, рожденной великим вдохновением Кановы, то золотоволосой девушкой с виноградников, то Авророй из французской сказки, где она сумела изысканной жестикуляцией современниц Вестриса и Гимар воплотить кружевную музыку Чайковского. Захватывая девичьей чистотой в «Раймонде» в эпизоде борьбы с Абдераманом, она напоминая Аполлоном... В «Лауренсии» она увлекает трагизмом и героикой последних сцен. Мы тре-

бовательны и знаем, что весь репертуар нашего академического балетного театра богат совершенными произведениями, но даже в таких постановках мастерство Плисецкой застилает своим блеском балетмейстерские ошибки. Она совершенна технически и предельно выразительна. О Майе Плисецкой можно говорить без конца.

...В число трех граций нашего балета законной единицей входит Раиса Стручкова. Первым и лучшим ее качеством следует признать своеобразие. Досадно, когда артисты похожи друг на друга. И самое искусство тогда превращается в тусклый, серый день. Особенно остро ощущается это в балете, где даже самые печальные картины, проникнутые трагической скорбью и отчаянием, всегда по-своему калейдоскопичны и действенны. Раиса Стручкова в совершенстве владеет драгоценным даром направлять внимание зрителя на главное действие или фиксировать его на себе в те моменты, когда глаз устает от слишком частых повторений однообразных технических приемов.

Сила обаяния и женственности Стручковой захватывает и поглощает... Стручкову можно смотреть много раз, и каждый раз она будет выглядеть новой. Каждую роль она освежает новыми красками. Танцующая Стручкова напоминает пестрого мотылька, полет которого капризен и насыщен неожиданными замесловатыми поворотами. Она жизнерадостна, грациозна и пластична. Прыжки ее, даже самые стремительные, не слышны. Улыбка трогательна, наивна и проникнута неподдельным весельем.

Наиболее выразительны у танцующего человека плечи, кисти рук и особенно глаза, о которых Саади сказал, что они способны, как зеркало, отражать душевные волнения. Ноги Стручковой дополняют это сочетание: вместе с необычайно подвижными пальцами рук, плечами классической формы, всегда чуть-чуть приподнятыми как бы от вдоха, и трепещущими глазами, способными отражать самые мимолетные ощущения, они составляют единый, полнозвучный хореографический аккорд.

...Если бы Терпсихора существовала в действительности, воплощением ее была бы Марина Кондратьева. Она совершенна технически. Ее фигура напоминает тонкий штрих, проведенный кистью изысканного художника. Не знаешь и не можешь уловить, когда она опускается на землю. То видишь только одни ее глаза, то легкие, изящные ноги, то только одни выразительные руки. Но вот еле заметный поворот плечом, и ее нет... и кажется, что ее вообще не было. Она, как раннее розовое облачко, то появляется, то тает на глазах. Некоторые художники говорят про нее в шутку: «Марина Кондратьева не существует — она выдумана». Отчасти это так и есть. Она — одно из тех чудес, которыми околдовывает любителей классической хореографии замечательное хореографическое училище Большого театра.

...Совсем особенная Наталья Касаткина, строгая и нежная. Глаза, почти всегда скрытые ресницами, молчаливо поясняют смысл отдельных движений. Она обладает исключительно красивой, одухотворенной пластикой. И все это всегда завуалировано, как будто недосказано, как будто эта юная артистка стыдится силы своего обаяния.

...Их лица и фигуры мелькают перед глазами, как в калейдоскопе. И кажется, будто они, перегоняя и прячась друг за друга, бояться задержать на себе взгляд...

Публикация
Н. ЧЕРНОВОЙ,
В. ВАСИЛЬЕВОЙ.